

Живет в Минске (Беларусь). О себе: "Не юноша :)"

ИСТОРИЯ

Убийство – грех. Известны сотни лет
Кинжал и яд, петля и пистолет,
И прочее безумное витийство.
Но, не желая упустить свой куш,
Поэт в стихах прикончит пару душ
И не задумается оправдать убийство.

Того, кто был единожды распят,
Потомки многократно умертвят,
Воздвигнув небоскрёбы из морали,
Затем вольют своей кобылы бред,
Перемешают. Этот винегрет
Ты отличишь от истины едва ли.

Всё потому, что каждый новый век
Меняет моду, как и человек,
Которому изменчивость по нраву.
И, если блюдо пробовать на вкус,
То в самом плодovitом из искусств
Почуешь современности приправу.

Разбежка истин, выдумок в стихах

Сойдёт на нет, когда истлеет прах,
Когда потомок, вдумчивый читатель,
Заметит по прошествии времён
В пределах равноденствия имён -
У лжи и правды общий знаменатель.

История запуталась давно
В своих записках, как юнец в кино -
Кого, когда, за что и кто убийца.
Но каждый век она опять права,
Когда мешает судьбы и права,
И пьесу новую нам ставит в тех же лицах.

ПРИГОРОД

Старинный пригород, родитель мизансцен,
Сидящий в стороне от городской обедни,
Ты куришь терпкий быт, вневременный паслен,
Пуская дым из труб, несущий соль и сплетни.

Смотри-ка - житель твой, что был условно нищ,
За год разбогател и выстроил домину,
Чем намекает нам, ломая плоскость крыш,
Что жители твои задумали измену,

Что ты, их патриарх, любитель тишины,
Взрастил в своих садах ростки метаморфозы,
Что новый, ловкий век, объелся белены
И вскоре низведёт поэзию до прозы.

Что европейский дом, американский шик,
Родной менталитет, помноженный на местность,
Рождает симбиоз свободы и вериг,
И возвышает псов, заборы и словесность.

Взыскательный поэт, духовной нивы жнец,
Метнёт на крышу взгляд, не находя предмета
Достаточного, чтоб восславить сей дворец,
Что вдохновит дельца, но вовсе не поэта.

Газонный мёд жирней, что явственно с высот,
Когда тревожишь гугл при поиске идиллий –
У разжиревших пчёл, сидящих в лоне сот,
Заметны пухлость брюх и выпуклость двукрылий.

Спустя десяток лет, коттеджи отрастив
И разделив жильцов на «к бесу» или «к богу»,
Ты выправишь лицо, проглотишь креатив
И жизнь в иных умах перемостишь в эклогу.

Всё сбудется. Почти. Но станешь ли добрей,
Уставившись на мир глазами боя-хвата
И мучаясь во сне: «Добей его, добей!»
И презирая всё, что прежде было свято?

МАХА И ФУГА

Не хотелось бы слушать Баха, сомневаясь, что Гойя жив,
Но смеётся нагая маха, взгляд неверием обнажив.
Оступившись, упав на землю, погрузившись в постельный прах,
Ангел явно ошибся дверью, проступая в её глазах.

Послезимье, как послевкусье, металлический привкус нот,
Безыскусное столь искусно, цвет и музыка – антидот.
Замерзающий в лужах вечер поднимает над телом кнут,
Обеззвучен и обессмертен взгляд под ритмикой амплитуд.

Тон прелюдии вяжет нервы, восходящие кварты злы,
Демон страсти в обличье стервы тащит крест по словам хулы.
Бог внимает органным звукам, дьявол гладит её рукой,
Пригвождённая к вечным мукам лишь на час обрела покой.

Мёртвый штиль перекрыт волною, в ад уносит девятый вал,
В пустоте за её спиною безвременье течёт в астрал,
Звук, прошедший века и трубы, нарастает каскадом фраз,
Мир вне сущности, мир-обрубок, опьянев, погружен в экстаз.

Фуга Баха и краски Гойи затупили ножи минут,
Смерть хромает, грозя косою, утверждая, что чувства лгут.
Рабство вытерто до угоды, совесть пялится из прорех.
Это тело – венец свободы, эта музыка - тяжкий грех.

[Страница автора в Сети](#)

[Страница автора в Клубе Лауреатов](#)